

СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

N.N. Konovalev

SEXUAL OFFENSES: ANTHROPOLOGICAL ASPECTS

Первоначально, так же как и остальные приматы, самки предчеловека могли спариваться только во время эструса – кратковременного периода полового возбуждения, длящегося всего несколько дней [1]. Однако со временем естественный отбор привел к исчезновению эструса. Мы солидаризуемся с мнением Ю.И. Семенова, который полагает, что этот физиологический механизм мешал приспособлению к среде, т.к. увеличивал соперничество из-за самок, что в свою очередь приводило к кровавым конфликтам. И действительно, пока у самок был эструс, они не могли выбирать время спаривания, им был безразличен и сам партнер, для них было важно удовлетворить инстинкт. С исчезновением эструса самки предчеловека могли уже выбирать момент для его удовлетворения. Стало возможным избирательное отношение к партнеру, образование пары стало определяться не только желанием мужчины, но и женщины [2, с. 134].

Изменение физиологического алгоритма повлекло принципиальную перестройку во взаимоотношениях полов в целом. И эта перестройка сыграла существенную роль в становлении социального уклада. Половая потребность удовлетворялась так же естественно, как еда и питье, причем у мужчин и женщин имелись равные права. Женщина была ничуть не менее полигамной, чем мужчина, и по собственной инициативе могла вступать в связь. Мужчина по-прежнему доминировал, однако женщина могла при известных условиях отвергать его домогательства или, наоборот, стимулировать их. Этому объективно способствовала и утрата эструса, и общая заинтересованность в увеличении потомства. По этой причине сами акты оплодотворения не

только поощрялись, но даже производились демонстративно [3, с. 16].

Конечно, науке вряд ли когда-либо удастся получить в свое распоряжение прямые доказательства существования промискуитета в столь далекую эпоху. Но косвенных подтверждений тому немало и в мифологии, и в истории. Легенды и предания о временах, когда брак был еще неизвестен, существуют практически у всех народов мира. В дальнейшем, в связи с увеличением численности населения, продолжительности жизни и ее качества неизбежно должна была возникнуть определенная система отношений и следующая за ней система родства, основанная на признаках, понятных и одобряемых большинством членов рода. Неизбежность возникновения такой системы обусловлена важностью решения вопросов наследования, кровной мести, передачи властных полномочий и решения других важных проблем, которые возникали в связи с усложнением системы отношений в роде, возникновением имущественного расслоения. Полагаем, что такой системой выступила матриархальная система родства, встречающаяся у многих «нецивилизованных» народов.

Так, М.М. Ковалевский, описывая обычай байцев и бареа (африканцев) указывает: «У этих народов семья покоится на принципе родства по матери. Дети устраняются от наследования отцовского имущества. К наследованию призывается, прежде всего, брат матери, затем старший сын старшей сестры, после него – второй сын старшей сестры, за ним преемственно – сын младшей сестры, старшая сестра и, наконец, племянницы умершего. При выборе мстителя за убийство соблюдается тот же самый порядок. Мечь составляет обязанность родственников по матери. Эта обязанность падает поэтому не на сына убитого, а на сыновей его сестры. Право мести за убийство женщины принадлежит ее

¹ Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминального права НОУ ВПО «Российский новый университет».

© Коновалов Н.Н., 2014.

детям, а за их отсутствием – ее единоутробному брату или племяннику» [4, с. 22–23]. Прямо указывают на матриархат и другие многочисленные историки и исследователи прошлого: Геродот, Плутарх, Мюнцингер, Мак-Леннан.

Возникновение матриархата, безусловно, возвысило роль женщины и, вероятнее всего, брак стал рассматриваться уже не просто как возможность продолжить род и иметь помощницу, но и как некое достаточно привилегированное состояние, которое давало ряд преимуществ: защиту от посягательств, возможность наследования. Однако возникновение системы родства неминуемо должно было привести к определенным запретам на вступление в сексуальные отношения и в брак. И такой запрет возник. Это запрет на вступление в сексуальные отношения в пределах одной группы, фратрии, т.е. так называемая экзогамия. Наверное, именно этот запрет и следует отнести к первым нормативным предписаниям в сексуальной сфере.

Термин «экзогамия» был введен в научный оборот Дж. Майклом Леннаном. В соответствии с переводом с греческого, это понятие означает «брак вовне», общепринятое значение слова – брак вне своего рода, или фратрии. Ю.И. Семенов отмечает, что такое понятие экзогамии – не совсем точное. Во-первых, экзогамия есть норма, относящаяся не только к брачным отношениям, а точнее, даже не к брачным отношениям самим по себе. Экзогамия есть норма, регулирующая отношения между полами совершенно независимо от того, связаны они с браком или не связаны. Во-вторых, требования вступать в половые отношения, а тем самым и в брак, только с членами другого рода, или фратрии, есть всего лишь одна сторона явления, называемого экзогамией. Другой его стороной является абсолютный запрет всех половых отношений, как брачных, так и внебрачных (т.е. добрачных и внебрачных), между членами определенной группы – рода или фратрии [2, с. 56].

Таким образом, сексуальные правила поведения начинают постепенно обретать табуизированную, не совсем понятную современному человеку форму выражения. Налагая запреты на совершение эндогамных сексуальных действий, первобытные люди постепенно формируют общее представление о: во-первых, регламентированности сексуальных отношений и, во-вторых, необходимости установления абсолютных сексуальных запретов. Мы полагаем, что табу на сексуальные отношения внутри рода могли и скорее всего явились следствием небольшого количества девушек половозрелого возраста (часто

младенцев женского пола убивали), кроме того сексуальные привязанности внутри рода влекли за собой кровавые последствия и, конечно, не способствовали единству, вызывали распри и тем самым ставили под угрозу само выживание. Необходимо учитывать и то, что борьба с окружающим животным миром неминуемо побуждала первобытных людей увеличивать число своих членов, а одним из способов такого увеличения как раз и выступал экзогамный брак.

Экзогамному браку известны две формы выражения, ими являются: брак-похищение и брак – покупка невесты. Исторически первым возникает брак-похищение, сутью которого является насильственный захват женщины половозрелого возраста, которая принадлежит другому роду (деревни, племени) с целью вступления в сексуальные отношения и последующего брака. Появление этого древнейшего сексуального обычая оказало значительное влияние не только на нравы первобытного общества, но во многом определило последующие и современные сексуальные традиции современного общества, отразившись во многих правовых предписаниях и запретах.

Представляется, что в основе брака похищением лежит некоторая естественная жестокость по отношению к женщине (наблюдаемая, в том числе, и в животном мире). Советские этнографы отмечали достаточную агрессивность многих сексуальных традиций дикарей по отношению к женщинам. Так, О.Ю. Артемова, исследующая сексуальную жизнь австралийских аборигенов, отмечает: «Добиваясь повиновения женщин, мужчины нередко прибегают к насилию. Показательно, что в одном мифе Юго-Восточной Австралии рассказывается, как Байаме – главный культурный герой и один из наиболее почитаемых предков – заставил двух женщин выйти за него замуж при помощи палицы (нулла-нулла) и держал их в покорности тем же оружием. «Наши мужья ждут от нас не только полного повиновения, но и службы. С самого рождения нас приучают к послушанию. В общем с нами обращаются неплохо, но часто бьют за мелкие провинности»» [5, с. 57].

М.О. Косвен указывает на то, что обряд сексуального посвящения девушки в женщину, который обычно предшествует браку у многих австралийских аборигенов, представляет собой не что иное, как завуалированное изнасилование, причем совершаемое группой мужчин из ее же рода. По свидетельству указанного ученого, у многих племен такие действия совершаются не только с ведома женщин, но и даже в при-

сутствии их: «Когда девушка достигает брачной зрелости, двое-трое мужчин надлежащего брачного класса настигают ее в то время, когда она находится в лесу, хватают, валят на землю, и один из этих мужчин рукой расширяет ей влагалище. Вслед за тем эти люди и сбегаящиеся со всех сторон другие мужчины того же класса обладают ею. Все мужчины соответствующего класса могут иметь «доступ» к девушке. У других племен женское посвящение сложнее, состоит из ряда различных церемоний, однако также заканчивается актом группового насилия» [6, с. 25–27].

В последующем жестокое обращение с женщинами нашло свое отражение и закрепилось во многих культурных и религиозных традициях, в том числе и современных обществах. Достаточно обратиться к исследованиям авторов, изучавших ранее особенности криминализации деяний, являющихся следствием так называемых пережитков прошлого или пережитков родового быта, на примере некоторых республик Средней Азии. Так, Б. Сарыев указывал, что: «Можно не ошибаться, называя женщину дореволюционной Туркмении рабыней в полном смысле слова. Тяжелый, изнурительный труд, беспрекословное повиновение мужу и родственникам – вот ее основной удел» [7, с. 7–8]. Х. Аманов цитирует в своем исследовании следующую туркменскую пословицу: «Бей жену каждый день три раза; если хватит сил, то бей три раза в день то место, где сидела» [8]. Ю. Фучик писал: «узбекские, таджикские, туркменские женщины были рабынями из рабынь» [9, с. 46]. Д.С. Арипов, изучая таджикское обычное право, анализирует следующий адат: «Женщину бей; если она не умрет от побоев, то бей тупым топором» [10, с. 7].

Итак, можно констатировать, что на стадии перехода от промискуитета к эндогамному браку и далее к экзогамному сексуальные отношения мужчин и женщин принимают достаточно жестокую и отличную от большинства современных браков форму выражения. Подчиненность женщины, проявление женской покорности начинает рассматриваться как неотъемлемая часть сексуальных взаимоотношений. Агрессия по отношению к женщинам становится общепринятым стереотипом поведения. Конечно, выражаемая жестокость должна была бы охватывать и сексуальную жизнь первобытных людей. Прямых доказательств широкой распространенности такого поведения мы не находим (наверное, никогда и не найдем), однако безусловен факт наличия бесспорных свидетельств насильственных действий (в т.ч. и сексуальных), которые применяли мужчины с целью вступить в брак.

В последующем обычай похищений невесты (именуемый иногда умыканием, умычкой) с течением времени был вытеснен другой, не менее распространенной формой заключения брака – куплей. М.М. Ковалевский, ссылаясь на голландца Вилкена, так объясняет ее появление: «Плата за невесту представляет из себя на первых порах род виры, иначе говоря, выкуп, который платил грабитель-жених семье своей жертвы, чтобы избежать преследований с ее стороны. В пользу этого предположения говорит то обстоятельство, что, несмотря на полученное вознаграждение, родственники невесты продолжают выказывать признаки сильного неудовольствия против жениха. Это было бы необъяснимо, если мы могли смотреть на брак, заключенный путем купли, как на сделку по обоюдному соглашению» [4, с. 39].

В литературе имеются иные объяснения возникновения этой формы экзогамного брака. Так, А.В. Сосновский полагает, что приобретение женщины за выкуп являлось компонентом экономического сотрудничества между локальными группами, а отношения купли-продажи определяли материальную зависимость женщины. Ее продавали имуществу покупателю, несколько не спрашивая согласия. Такая сделка была выгодна мужчине еще и в том отношении, что он имел право пустить свой «капитал» в оборот: по мере необходимости предоставлять жену во временное пользование за назначенное вознаграждение. Такая практика была распространена повсеместно и до сих пор бытует у аборигенов Центральной Африки, Океании и др. Индивидуализация брачных отношений, таким образом, напрямую была связана с появлением собственности [3, с. 25].

Полагаем, что обе высказанные точки зрения имеют право на существование. Возникновение данной формы брака было, конечно, обусловлено сразу несколькими обстоятельствами: материальной зависимостью женщины и усложнением отношений, которые в той или иной степени препятствовали совершению насилия (в т.ч. и сексуального). На этапе возникновения брака-похищения и брака-покупки постепенно матриархальные отношения заменяются патриархальными, женщины не только теряют власть, исчезает порядок наследования по женской линии, сама роль женщины в браке постепенно сводится к рождению детей и к удовлетворению сексуальных притязаний мужа.

Итак, сложившийся в дальнейшем патриархальный порядок находит свое обоснование в различных религиозных воззрениях и даже лежит краеугольным камнем в основе мировых ре-

лигий, которые по своей сути являются патриархальными. Стоит признать, что патриархальная теория сделалась на долгие тысячелетия одним из основных тезисов всевозможных философских, религиозных и правовых учений. Так, уже в IV веке н.э. один из апологетов католической церкви Августин Блаженный возводит в идеал семейную патриархальную власть, осуществляемую и олицетворяемую отцом семейства. Августин учил, что мир домашний является составной частью мира государственного, а отношения власти и подчинения, существующие в доме, обусловливают действие того же начала и в государстве. С течением времени взгляд на первобытную патриархальную семью как на прообраз, источник, а также основу власти все более утверждается и получает законченное выражение [11].

Необходимо отметить, что освящение брака религиозными обрядами, придающими ему характер пожизненности и нерушимости, является отличительной чертой последней стадии его эволюции [4, с. 40]. Брачным и, конечно, сексуальным отношениям придается уже сакральное значение. Многие, что ранее было допустимым, теперь признается греховным и запрещается под страхом не только последующего «загробного» наказания, но и весьма сурово наказывается еще при жизни нарушителя. Патриархальная форма брака, освященная религиозными обрядами, становится единственно возможным средством выражения сексуальной активности человека. Конечно, остаются и иные, не совсем ортодоксальные виды сексуально-брачных отношений, но со временем, в связи с тотальным распространением четырех мировых патриархальных религий, число их приверженцев значительно скуднеет.

Таким образом, подведя итог проведенному в настоящей статье исследованию, представляется возможным сделать следующие основные выводы.

1. Возникновение табуизированных запретов на эндогамные сексуальные отношения (запрет инцеста и запрет вступать в сексуальные отношения в пределах определенной социальной группы) следует отнести к наиболее первым нормативным предписаниям, регламентирующим сексуальную жизнь первобытного человека.

2. Поскольку нарушение табу предполагает только достаточно мягкую форму наказания –

часто лишь моральное осуждение, то нарушение экзогамных предписаний и совершение иных отклоняющихся от общепринятых сексуальных действий, как в браке так и вне его, не носит ярко выраженный карательный характер.

3. Первоначальной формой насильственных сексуальных действий следует признать брак через похищение, сопровождаемый насильственными сексуальными действиями, подтверждение этому мы находим как в этнографических исследованиях прошлого, так и в свадебных ритуалах некоторых современных этносов.

4. Возникший вслед за браком-похищением брак-покупка невесты достаточно сильно нивелировал свободу и сексуальную свободу женщины в частности, а последующие религиозные и иные социальные предписания во многом предопределили подчиненное положение женщины как в браке, так и в обществе в целом.

Литература

1. Муравьев В.В. Культурные факторы динамики народонаселения в первобытном обществе и древних цивилизациях Востока : дис ... канд. философских наук. – СПб., 2009.
2. Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. – М., 1974.
3. Сосновский А.В. Лики любви (Очерки истории половой морали). – М., 1992. – С. 16.
4. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. – М., 2010.
5. Артемова О.Ю. Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. – М., 1987. – С. 57.
6. Косвен М.О. Половые отношения и брак в первобытном обществе. – М. – Л., 1928.
7. Сарыев Б. Опасные последствия пережитков. – Ашхабад, 1967.
8. Аманов Х. Предупреждение преступлений, совершаемых на почве пережитков прошлого по отношению к женщине. – Ашхабад, 1973.
9. Фучик Ю. Избранные очерки и статьи. – М., 1950.
10. Арипов Д.С. Борьба с преступлениями, составляющими пережитки феодального быта и некоторые вопросы квалификации. – Душанбе, 1962.
11. Косвен М.О. Матриархат. История проблемы. – М. – Л., 1948.